

Совсем рано, как только Исаеву за тридцать минуло, усы подёрнулись очень расстраивающей сотника сединой. Но если они приняли седину ровно и сразу, то седину в буйную шевелюру казачьего офицера словно кто-то разброевал щепотками, как мелкую соль. А вот брови так и оставались чёрными, будто две смоляных дольки над пронизательными добрыми серыми глазами.

Сегодня, в день поздней осени 1913 года, бывшему станичному учителю Филиппу Исаеву предстояло растолковать молодым казакам значение вступительных статей устава внутренней службы Русской Императорской армии. Молодые, только что прибывшие из родной станицы Гундоровской казаки, шелестя затёртыми страницами, по команде раскрыли лежащие перед ними книги на нужном месте.

Антон Швечиков, сидевший в всех занятиях в паре с задумчивым другом Сергеем Новоайдарским, толкнул отвлекшегося односума локтем, слушай, мол, а то нарвёшься.

- Ну, казачки, - раздался в притихшем классе вопрос сотника, - есть кто из вас охотники готовые по-уставному сказать, что такое наша Отчизна и что такое наша родина?

На лицах казаков учебной команды вроде бы полное понимание этого несложного вопроса, но высовываться никто не торопится.

Известный всем разгильдяй и повеса — казак по прозвищу Дык-Дык демонстративно ёрзает на своей табуретке больше всех, тербит устав и всем своим видом показывает, что даже готов отличиться.

Исаев, заметив беспокойство казака, сразу же предлагает:

- Казак Устим Брыков, отвечай!

Дык-Дык, заранее прислонив устав к спине впереди сидящего, кося глазом в книгу, бойко начинает:

- Параграф третий устава внутренней службы гласит:

«Отечество — это вся Россия. Родина — это тот округ, та губерния, тот уезд, та волость и деревня, станица и хутор, где родился».

Сотник, немного удивлённый столь чётким ответом, прозвучавшим от казавшегося всего лишь балагуром казака Брыкова, добавляет для конкретности:

- Ну а ты, казак, где родился? Где твоя родина?

- Хутор Швечиков Гундоровской станицы Донецкого округа Области войска Донского.

- Молодец! - удовлетворённо похвалил сотник молодого казака Брыкова, который откликнулся на свою фамилию разве что на занятиях да в строю. А так Дык-Дык, и всё тут!

Сотник продолжил занятие.

- Теперь я вам расскажу об истории нашей с вами родины, - и он раскрыл лежащую перед ним на высоком некрашеном столе большую потрёпанную тетрадь в чёрном коленкором переплёте, с загнутыми и замахрэнными от частого применения углами.

Во время своего вынужденного учительства Филипп Семёнович занялся изучением истории родной станицы. Даже съездил в Донской архив в Новочеркасск и посидел над старыми книгами и прошнурованными толстыми делами синего войскового цвета.

Всё, что он из них узнавал и вычитывал новое, записывал в заветную тетрадь, а возвратившись из столицы

Донского войска, вечерами пересказывал интересные сведения своим домашним. Когда сотник Филипп Исаев снова был призван с льготы в 10-й Донской казачий генерала Луковкина полк, то первое, что он взял с собой на службу, так именно эту чёрную ставшую весьма пухлой тетрадь.

- Станица Гундоровская признана как казачье селение согласно старинной грамоте в январе 1681 года...

Молодые казаки, слегка расслабившись, с удовольствием отодвинули уставы и стали слушать своего командира. Всё ж не статьи уставов зубрить и не по плацу сапогами топтать — можно и спокойно посидеть.

- Есть такое предположение, - улыбнулся Исаев, видя всеобщее внимание, - что название станицы Гундоровской идёт от древнего казачьего городка Гундары. А оно, в свою очередь, скорее всего, возникло от слова «гундо-сый», или «говорящий в нос».

Северский Донец осенью.

Вид на крепость Замостье.

- И вот почему... - увлечённо продолжал свой рассказ Исаев. - В те стародавние времена на Северский Донец как на один из первых по-настоящему многоводных и лесных рубежей по пути на юг стекались беглые воровские, а значит, «ослушные» и прочие лихие люди.

По жестокой традиции тех лет лихоимцам и вора вырывали ноздри и, конечно, делали это без всякой аккуратности. Жертвы такой жуткой экзекуции говорили в нос. Вот первое, но, разумеется, не самое достоверное объяснение названия станицы.

Есть и другие, не менее интересные старинные предания... Среди первых поселенцев на Северском Донце оказался лихой казак Сазонко Гундин. Он со своими соратниками обосновался в наших краях, и его потомки, но

уже с несколько измененной фамилией могли дать название станице.

Кроме того, было распространено поверье, будто на левом берегу Донца поселился когда-то нелюдимый и страшный унтер-офицер, унтер в кратком звучании, который и дал начало казачьему селению. Со временем «унтеревская» станица превратилась в разговор в «гундеревскую», «гундаревскую», а уж потом и в Гундоровскую. Однако, налицо есть и весьма существенное несоответствие. Унтер-офицеры в казачьих войсках назывались с момента их образования урядниками, и по этому смыслу тогда станица должна носить название урядницкой... Исаев будто задумался над сказанным и осторожно крутанул свой ус. Эта тема давно занимала его и была ему очень близка и интересна. Но развить он её не стал.

Нынешнее место расположения станицы Гундоровской уже четвёртое.

ние враги! - торжественно закончил сотник свой длинный рассказ.

Антон Швечиков, задумчиво глядевший в окно, выходящее на казарменный двор, на котором царило предобеденное оживление, подумал:

- Хорошо сотник рассказывает, будто снова в родной станице побывал.

А дома сейчас, как и здесь, в Польше, на далёком-далёком Северском Донце глубокая осень, предзимье.

И он мечтательно закрыл глаза и представил себе, как садится между двумя увалами за хутором солнце и розовит песок на косе Северского Донца, а от прибрежной растительности отбрасываются косматые длинные тени. В тишине громко дугкает дикий голубь — вытютень. По степи бродят с берданками казаки. Выстрелы то и дело поднимают ошалелых лис или запуганных степных зайцев, разбегающихся по балочкам.

Осенняя степь воробьиного цвета с каждым днём становится всё неудобней и холодней и словно торопит путников быстрее дойти до разбросанных на высоком берегу казачьих куреней. Над ними по утрам и вечерам вьётся белесый дымок. В одном из них мать Антона натопила жарко печь, подбросив для большего тепла несколько гудок каменного угля, и при свете керосиновой лампы читает первое письмо её сына в родной хутор:

«Дорогая мама! Сообщаю Вам, что добрались мы до неблизкой Польши, до города Замостье, благополучно.

В прошлое воскресенье в православной церкви был отслужен молебен за здравие новоприбывших. То есть за нас. Почему пишу, что в православной церкви? Да потому, что здесь есть и католические, так они костёлами называются. Сообщаю Вам, что служба моя началась хорошо. Живём мы в каменных казармах, в тепле и сытости. Сначала нам давали хлеб ржаной, но вновь назначенный командир полка добился, чтобы давали пшеничный. Оно и правильно: пшеничный казаку поболее привычный.

Место в строю и в казарме у меня всегда рядом с нашим хуторцем, с Сергеем Новоайдарским. Встретишь его мать, кланяйся. Хотя он ей письмо своё уже отправил.

Посылаю тебе фотографию, где мы с Сергеем при полной амуниции, кроме усов. Усы у нас пока не такие, как у старослужащих казаков. Но ничего, отрастут.

Берегите себя, дорогая мама! Я нашу семью не посрамлю, и за службу мою не будет стыдно ни перед атаманами нашими, ни перед всеми хуторскими жителями.

До свидания, мама. Передавайте привет всей родне и особо кланяйся деду моему Арсению. Целую и обнимаю всех. Антон».

Простое письмо с простыми словами... А как было приятно получить его матери служивого казака!

Сергей Сполох,

член Союза писателей России

Примечание: 1. Все иллюстрации, использованные в настоящей статье, взяты из архива автора и общедоступных источников.

